

УДК 81'42+27-475.5

О ДИАЛОГИЧНОСТИ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ

И.А. Истомина

Аннотация

В статье рассматривается приём диалогизации православных проповедей. Продемонстрированы механизмы вкрапления разговорной лексики и фразеологии в книжную стилевую контекстную среду. Установлена значимость использования проповедником чужой речи, позволяющей представить спектр точек зрения, усилить коммуникативно-прагматическую направленность проповеди. В ходе анализа выявлена тенденция к демократизации современного церковного красноречия.

Ключевые слова: религиозный стиль, православная проповедь, диалогизация, разговорные вкрапления, чужая речь.

В советский период истории нашей страны все религиозное воспринималось как чуждое официальной атеистической идеологии. Этот факт фиксируют советские толковые словари: «религиозная константа как компонент идеологии вытесняется... с помощью помет типа “устар.”, “дореволюц.”, “мистич.”, “мифологич.”, а также включенных в дефиниции идеологических добавок «антинародная», «не проверенная данными науки» [1, с. 28].

Демократизация страны на рубеже веков обусловила возрождение религиозного общественного сознания. Активизировалась институциональная деятельность Русской Православной Церкви. Исследователи начали говорить о возможности выделения религиозного функционального стиля речи. Появились варианты номинации данного стиля: религиозный, церковно-религиозный, проповеднический функциональный стиль.

Речевые произведения религиозного стиля, в соответствии с традицией, оказываются относительно закрытыми для сниженных элементов языка – чужеродных по отношению к книжной высокой контекстной среде. Естественная эмоциональная тональность высокого, противопоставленная современному языковому карнавалу с присущими ему стилистическими конфликтами, профанизацией сакрального, детабуированием, вульгаризацией коммуникации, легализацией сквернословия [2] – характерологическая черта текстов религиозного стиля. Кроме того, религиозный стиль, искусственно «законсервированный» в советское время, сохранил дифференциальную часть лексикона, книжность синтаксиса, отдельные архаические морфологические формы.

С 80-х годов XX века важнейшей для общественного восприятия становится проповедь – «речь священнослужителя, обращенная к прихожанам, обычно

произносимая в храме и содержащая наставления и рекомендации верующим» [3, с. 319]. В значительной степени это определяется стилистическими особенностями текстов, которые конструируются проповедниками с учетом нравственной позиции массового адресата, религиозное сознание которого в силу объективных причин характеризуется лакунарностью. Общая прагматическая задача автора проповеди – приобщить адресата к церкви, убедить его в истинности Слова Божьего.

Задача проведенного нами исследования – выявить основы диалогизации православной проповеди, призванной установить коммуникативный контакт между проповедником и прихожанами. Материал исследования составили тексты храмовых проповедей священнослужителей из личного архива автора, собранные методом включенного наблюдения, а также электронные тексты проповедей, размещенные в Интернете.

В последние десятилетия проповедь перешла границы локуса храма. Изменились и направления отбора стилистически маркированных языковых средств. Иереи православной церкви обращаются сегодня к верующим с экранов телевизоров и по радио; Интернет в свободном доступе предоставляет пользователям устные и печатные варианты речей проповедников разных стран. Эти экстралингвистические факторы объясняют проникновение в тексты религиозного стиля элементов живой разговорной речи.

Установка на устность, разговорность обуславливает поиск средств установления контакта с адресатом. Специалисты говорят о том, что «разговорная речь и книжный литературный язык различаются набором отмеченных единиц. Это различие наблюдается... в синтаксисе, словообразовании, лексике, морфологии» [4, с. 30]. Особенность речи, ориентированной на диалог – преобладание в ней общеупотребительных, стилистически нейтральных и разговорных слов [5], которые вводятся с целью облегчения восприятия содержания монолога слушателями и сближения позиций говорящего и адресата. Характерные для светской риторической практики, эти особенности до недавнего времени не распространялись на проповеди с присущими им традиционными приемами высокой церковной риторики. Среди стилеобразующих средств выделяются устойчивые словосочетания, относящиеся к сфере «небесного» (Иисус Христос, Святой Дух, Пречистая Дева Мария, Царица Небесная, небожители и небесные силы, архистратиг Божий Гавриил, Царство Небесное, Всевидящее Небесное Око, Николай Чудотворец, небесный покровитель, небесные воинства), архаичные формы слов (братия, Святаго Духа, пред престолом, ко спасению, во благо, всей душою, погибаем во грехах, воскресе, божию), слова, созданные по архаичным словообразовательным моделям (законодавец), слова в специализированном значении (спасение, творить (о заповедях)). В проповеди активно используются единицы, не употребляющиеся за пределами религиозного стиля. Арсенал стилеобразующих средств поддерживает коннотации возвышенности, таинственности.

Отклонение от традиции книжного духовного красноречия можно объяснить фатическим намерением проповедника, его стремлением к неформальному сближению с аудиторией [6]. Для осмысления коммуникативно-прагматических особенностей проповеди необходимо обратить внимание на авторскую сверхзадачу,

которую в общем плане можно определить как влияние на мировоззрение и поведение адресата. Контакт с аудиторией предполагает наличие ответной реакции, а реакция может осуществляться только в процессе диалогического взаимодействия. Вот почему диалогизация монолога является обязательным условием запланированного прагматического эффекта.

М.М. Бахтин отмечал, что диалог возникает на схождении двух позиций, двух сознаний, двух субъектов, пронизывает собой всю речь [7]. Л.В. Щерба указывал, что «подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге» [8, с. 3]. Сложность коммуникативной рамки религиозного текста несомненна: «адресант – адресат (обычно с четко очерченными психолого-социальными признаками: иерарх (в официальных документах церкви) – верующий (в посланиях и проповедях), неверующий (в апологетических посланиях и проповедях); церковь как сообщество всех верующих – автор; канонические тексты церкви (в исторической перспективе) – собственный текст» [9]. Диалогичность речи проповедника – это «выражение в тексте средствами языка взаимодействия общающихся, понимаемого как соотношение смысловых позиций, как учет реакции адресата... а также эксплицирование в тексте признаков собственно диалога» [10, с. 45]. Диалогичность направлена на создание коммуникативной гармонии, формирование круга единомышленников.

Диалогичность как свойство текста, которое обуславливает отклик адресата, то есть идеологическую, эмоциональную, нравственную реакции, проявляется в наличии вопросно-ответных структур в монологе и в употреблении разговорной лексики. В ходе анализа мы обратимся к функциональным возможностям средств разговорного стиля в проповеди.

Разговорные единицы выступают в роли особых регулятивных средств – опорных механизмов коммуникации, способствующих ее активизации [11]. Приведем примеры: «И каждый свой шаг, каждый свой поступок через веру надо осмысливать: а угодно ли это Богу? Угодно ли то, что мы собираемся сделать? Угодно ли Ему, что мы сегодня не идем в храм? Нет, не угодно, не угодно... Угодно ли Ему, что мы телевизор смотрим во время Великого поста и развлекаемся? Нет, не угодно Ему это. А вот Евангелие почитать угодно, а Псалтирь почитать угодно, а Апостола почитать угодно, а святых отцов Церкви почитать угодно, а помолиться за детей, а поиграть с детишками, а погладить их по головке, а сказать им доброе слово – угодно Господу это?» (ХпБИ1); «Бывает, подойдет воскресенье, а многие в Церковь не идут по Закону Божию, а бегут в театры, цирки, кино, стадионы заполняют, на рынки бегут, торгуют пока кого-нибудь там не обманут, чтоб побольше денег забрать себе, цены повышают умышленно, конца и края не видно. А другие сидят до обеда, смотрят телевизор, вам там показывают мультики, там бегают кошки и собачки с хвостиками» (СТСЛ). Оценочность речи создается с помощью суффиксов субъективной оценки [12, с. 208–218], «оразговаривающих» речь проповедника. При описании бытовой ситуации семейного общения в первом фрагменте текста употребляются разговорные номинации, выражающие положительную эмоциональную оценку, имеющие оттенок ласкательности [12, с. 212–213]. Цель проповедника – подчеркнуть радость и счастье общения с детьми. Во втором фрагменте диминутивы усиливают оценочную точку зрения оратора, передают неприятие им бессмысленного, бездумного праздного существования. Разговорная лексика,

маркирующая погружение в типовую ситуацию повседневности, служит средством создания диалогичности: она обращена к тем, кто забыл о каждодневном труде – физическом и духовном. Не случайно элементы разговорного стиля особо распространены в проповедях, посвященных теме нравственной жизни: «А многие идут молиться, свечечки покупают, молебны, берут по пять-десять свечек и говорят: “Пойду поставлю [свечу], что-то в жизни не везет. Может, мне поможет, а может, не поможет”. Где ж Бог такому человеку поможет? Бог от таких людей отвернет даже Лицо Свое» (ИПкС). Использование прямой речи и включенное в ремарку слово *свечечки*, приобретающего в контексте ироническую окраску, способствуют созданию эффекта неприятия показной религиозности, которую прихожане могут наблюдать в реальной жизни.

В следующем фрагменте проповеди прямая речь с комментариями проповедника служит для представления инородной по отношению к заповедям, но типовой, наблюдаемой в быту жизненной позиции: «Бывает, человек выпьет полстакана самогона и гоняет жену и детей с двадцатого этажа: “Я вот вам покажу, кто вы тут такие, вы ж тут никто, а я тут великий человек!” О! Ну Христос смотрит-смотрит и думает: “Что же с ним дальше будет? Ты смотри, возгордился лишку Иван-пьяница, жену и детей гоняет, мать и отца не слушает, не слушает ни священника, ни патриарха”» (СТСЛ). Существительное бытовой сферы употребления *самогон*, включенное в высказывание автора, усиливает достоверность описания безобразной сцены самодурства зарвавшегося пьяницы. Следующая за прямой речью характеристика дебошира сопровождается возможной оценкой Христа, который все видит и все знает. Множественность точек зрения предполагает не подлежащую сомнению объективную оценку ситуации. Именно Христос является арбитром в споре пастыря и прихожан. Интерпретируя бытовое пьянство как зло, автор проповеди занимает позицию «человека социального» (Г.Я. Солганик), пытающегося с нравственных позиций осмыслить общественные пороки. Не случайна деперсонализация прямой речи, выражающей позицию социального типажа. Вот как популяризируется смертный грех зависти: «Не надо завидовать: “Ах, как хорошо! Смотри-ка у соседей-то дочка и техникум закончила, и институт закончила, и удачно какого хорошего парня нашла себе в мужья! А наша – ой, блудница! Что ты будешь делать! Ох, как у меня душу сжало, как зависть-то меня мучает, что у соседей какая прекрасная дочка, а у меня такая нерадивая!” Так вы поучитесь у нее, спросите, как это можно сделать, чтобы тоже закончить техникум, закончить институт и познакомиться с добрым, благородным человеком» (ХпБИ2). Включенное в антитезу прямооценочное прилагательное *нерадивая*, междометие *ох*, разговорная частица *то*, экспрессивная однородность – все эти средства усиливают неприятие зависти и одновременно служат для создания диалогичности. Характерно, что точка зрения проповедника не вербализуется, однако его позиция понятна адресату.

Введение в текст проповеди социально маркированной прямой речи направлено на устранение возникающей в результате коммуникации социальной оппозиции. «Чужое» слово в случаях обращения проповедника к нравственной проблематике выступает в роли регулятива, способствующего активизации механизма сомышления. Кроме того, прямая речь демонстрирует конкретное отступление от норм христианской морали.

Анализируя образ автора в проповедническом тексте, следует отметить, что адресант не ограничивается ролью «человека социального». В проповеднической речевой деятельности прослеживается тенденция к формированию образа автора как человека частного. Эта тенденция чрезвычайно важна для фатической коммуникации. Приведем пример: «Я могу вспомнить, как в самом начале, когда я был пономарем, так совершалась Божественная литургия в храме Александра Невского. Приходила бабушка, которая жила в частном секторе, и приносила угли для свечи, для кадила. Мы всегда ждали этот пакет, потому что без этого пакета мы бы не могли разжечь кадила. Другой человек сам изобретал ладан, старался какую-то смесь навести (духи, одеколон, старый ладан собрать) и так у нас появлялся ладан. Другие женщины приносили муку, кто-то приносил вино. И вот это действительно было приношение, на котором совершалась Божественная литургия» (ХБМНР). Позиция человека частного все чаще становится в проповедях средством выражения субъективно-оценочного значения: «Я удивляюсь, как на родительских субботах нет никого в храмах. Раньше, когда совершалась родительская суббота, всегда было много людей, которые молились за усопших своих сродников, приносили очень много на панихидный стол, и сразу было видно, что эта вера в сохранение тех традиций, которые старались сохранить новомученики и исповедники российские» (ХБМНР). Я-тема, характерная для разговорных диалогов, подчеркивает непринужденность проповеднической речи, а значит, демонстрирует знание священником психологии адресата.

Возвращаясь к вопросу об использовании в проповедях разговорных элементов, отметим, что разговорная лексика употребляется в текстах проповедей на актуальные темы современности: «Мы можем верить во что угодно: кто-то верит в суеверия, кто-то верит экстрасенсам, колдунам, астрологам кто-то верит, но есть вера истинная в Господа нашего Иисуса Христа. Мы не знаем, так ли оно, и веруем в звезды. И вот сегодня звезды так сошлись, а завтра так сошлись, сегодня нам это не надо делать, завтра то не надо делать. Глупости все это» (ХпБИ1).

В рассуждениях об экстрасенсорике и астрологии, вызывающих в наши дни интерес общественности, включено разговорно-сниженное слово *глупости* [13, с. 133], резюмирующее оценку ситуации отступления от истинной веры. Эмоционально-экспрессивная номинация вводится проповедником в текст с целью доказательства тезиса о неприемлемости ложных верований, обращение к которым расценивается оратором как отступление человека от христианского учения, веры истинной.

Показатели разговорности появляются и в проповедях, посвященных сугубо духовной проблематике. Так вербализуется тема единения воинов Христовых: «Мы все должны быть едины в духе мира и согласия, а на знаменах наших должны красоваться добродетели – вера, надежда, любовь. На время этой духовной брани мы должны настроиться так, что вокруг могут рваться снаряды, свистеть картечь, но мы не бросим друг друга, поможем, поддержим, утешим. Мы не побежим прочь от врага, когда он нападает на нас, не предадим» (ХУБМ). Разговорный интензив *напирать* (разг. ‘теснить, наступая, нажимая’ [13, с. 388]) не нарушает напряженной эмоциональности текстового фрагмента, в котором образно представлена битва христиан с бесовскими силами. Одобряемая идея единения способствует живому отклику со стороны прихожан.

Экспрессивная оценочность оказывает воздействие на духовное сознание слушателей.

Обращает на себя внимание употребление российскими проповедниками разговорных и просторечных фразеологизмов в эмоционально-оценочной функции. Экспрессивы-интенсивы передают полное отрицание не соответствующих христианским заповедям поступков и мыслей людей: «Вот вы подумайте, уважаемые прихожане. Пусть человек окончит триста Академий Народного Хозяйства, пусть узкой специализации народного хозяйства, какое в наше время нашим современникам дают уже. Если наши современники и современницы образованные не могут этими знаниями обогатить себя, своих родных, близких, поделиться всем умным, светлым, радостным с другими людьми, осчастливить их, улучшить их материальную и духовную жизнь, то грош цена этой грамоте. Эта грамота вся коту под хвост» (ИПКС). Разговорный (*грош цена* – ‘ничего не стоит, никуда не годится’ [14, с. 415]) и разговорно-просторечный (*коту под хвост* – ‘о том, что истрачено зря, бесполезно или пропало; о напрасных усилиях’ [15, с. 502]) фразеологизмы, выделяясь на фоне нейтрального повествования, усиливают категоричность суждения и, следовательно, не могут оставить адресата равнодушным. Возможно, с точки зрения воцерковленного слушателя, подобные единицы лишают церковную речь органической для нее возвышенности и проникновенности. Однако стоит отметить, что употребление экспрессивов можно оправдать, так как они указывают на несовместимость с высоким. Стилистический контраст создает эффект эмоционального воздействия на адресата.

Прием стилистического контраста присущ и текстам зарубежных православных проповедей: «И Слово Божие пробивает сухую землю нашей души, разбивая тот камень, в который обращён человек. И тогда в нашей душе рождается Царство Божие. Только это Слово нельзя превращать в словечки. Слово Божие ничто не может заменить» (РПЦА). В данном высказывании уменьшительность (разговорная лексема *словечки*) сопровождается уничижительностью, которая выражает прямую авторскую оценку обозначаемого: священнослужитель использует прием антитезы, основанный на контекстном противопоставлении производящего и производного слов. Контекстный антоним *Слово*, то есть высокая мысль, изреченная Богом (‘Вначале было Слово’ (книжн.) [13, с. 731]) в противовес *словечкам*, то есть словам, произнесенным без глубокого духовного осмысления, неразумно, всуе, отсылает слушателя к одному из ключевых религиозных концептов. Стилистический контраст, соединяясь с контрастом семантическим, будит мысль, заставляет адресата ощутить пропасть между небесным, Божественным, чистым и земным, суетным.

Иереи Русской Православной Зарубежной Церкви в своих обращениях к верующим ориентируются на традиции русской культуры и русского духовного красноречия: в текстах проповедей находим многочисленные лингвоспецифические номинации, топонимы и урбанонимы, активизирующие диалог с русскими прихожанами. Таким образом, не предусмотренное канонем жанра проникновение элементов разговорной речи в текст проповеди характерно для священнослужителей как РПЦ, так и РПЗЦ. Приведем еще один пример: «Мы видим, что Господь дал им не обычный улов, но множество, великое множество рыбы, в таком количестве, что рыбаки были не в состоянии вытащить сети, которые прорывались. Этот образ дан в рассказе неспроста» (РПЦШ). Сниженная оценочная

единица (*неспроста* – разг. ‘не без умысла, с какой-н. затаенной целью, мыслью, не случайно’ [13, с. 413]) делает доверительным общение пастыря и прихожан.

«Оразговоривание» служит для популяризации христианских концептов. Черты диалогичности в православных проповедях привлекают людей в храм. Непринужденный контакт с проповедником утоляет коммуникативный «голод», удовлетворяет потребность в ощущении поддерживаемой понятным словом нравственной общности. Таким образом, использование выразительных средств разговорного стиля способствует созданию диалогизации. Возникает закономерный вопрос: разрушают ли разговорные вкрапления границы религиозного стиля? С одной стороны, иноstileвые элементы противоречат сложившимся традициям духовного красноречия, вступают в конфликт с речевой манерой лучших церковных ораторов; с другой стороны, средства разговорной речи вводятся священнослужителем, учитывающим особенности восприятия массовой аудитории, готовой к освоению основ христианского мировоззрения. Живой диалог проповедника с аудиторией – свидетельство демократизации русского церковного красноречия и обновления религиозного стиля.

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России (проект №14.18.21.0273 «Многоречие в социально-культурном пространстве современной России»).

Summary

I.A. Istomina. On the Dialogism in the Texts of Modern Orthodox Sermons.

The article deals with the dialogization techniques used in Orthodox sermons. The mechanisms of inclusion of colloquial words and phraseological units into the bookish contextual medium are demonstrated. The importance of the preacher's use of other people's words to present a spectrum of viewpoints and to strengthen the communicative and pragmatic orientation of a sermon is ascertained. The analysis reveals the tendency towards democratization of the modern church eloquence.

Key words: religious style, Orthodox sermon, dialogization, colloquial elements, other people's words.

Источники

- ХпБИ1 – Храм во имя святого пророка Божия Илии, г. Екатеринбург, отец Сергей, проповедь от 28 февр. 2010 г.
- СТСЛ – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, г. Сергиев Посад, архимандрит Герман, видео-проповедь от 23 февр. 2005 г.
- ИПкС – Иоанно-Предтеченский кафедральный собор, г. Екатеринбург, отец Иоанн, проповедь от 29 июня 2007 г.
- ХпБИ2 – Храм во имя святого пророка Божия Илии, г. Екатеринбург, отец Валерий, проповедь от 20 дек. 2010 г.
- ХБМНР – Храм в честь иконы Божией Матери «Нечаянная Радость», г. Екатеринбург, иерей Александр Есенин, проповедь от 5 февр. 2012 г.
- ХУБМ – Храм Успения Божией Матери, г. Владивосток, иеромонах Марк, проповедь от 6 марта 2011 г. – URL: <http://www.vladhram-uspenie.ru/content/slovo-na-chin-proshcheniya>, свободный.

РПЦА – Русская Православная Церковь в Амстердаме, Нидерланды, протоиерей Сергей Овсянников, проповедь от 1 нояб. 2009 г. – URL: <http://www.orthodox.nl/index.php?lang=ru&content=topic&topic=doc/sermons/01-11-2009&close=topic>, свободный.

РПЦШ – Приход Русской Православной Церкви во имя свт. Кентигерна в Глазго, Шотландия, отец Георгий. – URL: <http://kentigern.squarespace.com/sermons-and-talks-rus/?currentPage=2>, свободный.

Литература

1. *Купина Н.А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. – Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. ун-та, 1995. – 144 с.
2. *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – СПб.: Златоуст, 1999. – 320 с.
3. *Склярёвская Г.Н.* Словарь православной церковной культуры. – М.: Астрель, 2008. – 480 с.
4. *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М.: Наука, 1981. – 275 с.
5. *Стернин И.А.* Практическая риторика. – М.: Академия, 2006. – 269 с.
6. *Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М.: Либроком, 2009. – 178 с.
7. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Русские словари; Языки славян. культуры, 2003. – Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. – С. 69–263.
8. *Щерба Л.В.* Восточно-лужицкое наречие. – Петроград, 1915. – Т. 1. – 194 с.
9. *Мишланов В.А., Худякова Е.С.* О жанровой специфике текстов церковно-религиозного стиля. – URL: <http://philologicalstudies.org/dokumenti/2008/1.pdf>, свободный.
10. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.
11. *Болотнова Н.С.* Коммуникативная стилистика текста: Словарь-тезаурус. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. – 384 с.
12. Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 783 с.
13. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: ИТИ «Технологии», 2009. – 944 с.
14. Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6 т. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2000. – Т. 2. – 674 с.
15. Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6 т. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998. – Т. 1. – 800 с.

Поступила в редакцию
14.01.12

Истомина Илона Анатольевна – аспирант кафедры риторики и стилистики русского языка Уральского федерального университета, г. Екатеринбург.

E-mail: ist-ilona@yandex.ru